

ПЕРЕОФОРМЛЕНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ

Л. М. СКРЕЛИНА

В старофранцузском языке грамматические категории имени существительного выражаются двумя способами: морфологическим и морфосинтаксическим. Если морфология имени может быть, как в латинском языке, описана в рамках его флективной формы, то морфосинтаксис раскрывается в ходе изучения употреблений имени с детерминативами (артикль, указательное, притяжательное, неопределенное местоимения) и другими элементами его окружения (предлог, прилагательное, причастие). Так, падеж и число в основном выражаются при помощи флексии; синтагматические связи служат дополнительным средством их выражения. Род выражается детерминативами, согласующимися с существительным; синтагматические связи играют здесь главенствующую роль, так как отсутствует специальная флексия, маркирующая оппозицию рода. Все это хорошо известно. Менее известен сам процесс переоформления имени, становление категориальных противопоставлений в системе имени.

Обычно констатируется рост употребления детерминативов, среди которых определенный артикль — привычный спутник имени уже в старофранцузский период. Констатируется также выбор в качестве основной синтагмы сочетания *le mur — les murs*, которое этимологически восходит к формам косвенного падежа, соответственно продолжающим оппозицию форм латинского аккузатива в ед. и мн. ч.

Однако при констатации этих очевидных фактов часто составляется неверное понятие о сопровождающих их обстоятельствах, напр., об особенностях сочетания элементов именной синтагмы, об отношениях между функцией и позицией имени в предложении, о хронологии изменений и причинно-следственных отношениях между ними. Разрушение склонения обычно представляют на фоне „ошибок скрибов“ в употреблении падежных форм: со стиранием флексии связывают фиксацию порядка слов. Между тем, примеры „ошибок“ переписчиков слишком регулярны, чтобы быть случайными, а порядок слов далеко не всегда находится в ожидаемой корреляции с формой существительного, чтобы быть следствием или причиной падения склонения. Можно

предположить, что функциональный и количественный анализ актуализированного существительного мог бы внести дополнительные уточнения в картину становления формы имени во французском языке.

Такой анализ был сделан на богатом материале проф. Д. К. Чебялисом в капитальном исследовании, посвященном эволюции французского имени и его детерминативов [Чебялис, 1974 а, б]. Д. К. Чебялис тщательно рассмотрел позиции именной синтагмы в старофранцузском предложении, статистически обработал наблюдения. Мы обращаемся к этой статистике и к некоторым примерам [Чебялис, 1974 а, т. 1, с. 325; т. 2, табл. IV—X], используя их для поиска ответов на вопросы, возникающие при дальнейших размышлениях. Часть примеров подобрана автором статьи из обследованных Д. К. Чебялисом текстов.

Структуру именной синтагмы Д. К. Чебялис описывает как состоящую из имени и детерминатива, изменяющихся по падежам. В комбинациях этих элементов мы встречаем такие, в которых формы соответствуют функциям: *Pilaz sas mans dunques laved* (Passion, v. 237); *Car li queus Garins lor avoit comande* (Aucassin, l. XIV). Здесь субъектный падеж соответствует субъектной функции, а объектный (косвенный) падеж — объектной функции. Встречаются структуры, в которых нет подобной избыточности в выражении функции, т.е. в которых одна из падежных форм или обе не соответствуют выражаемой функции подлежащего или дополнения: *Lo fel Herodes cum lo vid, mult lez semper esdevint* (Passion, v. 209—210).

Все возможные комбинации имени и детерминатива в старофранцузском могут быть сгруппированы в соответствии с выражаемой функцией так:

субъектная функция		объектная функция	
	(1) li murs (li sires, li sire)	(9) le mur	
ед. ч.	(2) li mur	(10) le murs	ед. ч.
	(3) le mur	(11) li mur	
	(4) le murs	(12) li murs*	
	(5) li mur	(13) les murs	
	(6) li murs	(14) les mur	мн. ч.
	(7) les murs	(15) li murs	
	(8) les mur	(16) li mur*	

Под звездочкой поставлены структуры, которые по комбинаторике возможны, но в текстах в функции дополнения не встретились. Эти структуры введены в перечень вслед за Д. К. Чебялисом. Частота встречаемости всех остальных структур различна.

В функции подлежащего ед. ч. чаще всего встречается синтагма, в которой имя стоит в субъектном падеже, это структуры (1) *li murs* и (4) *le murs*. Статистическая дистрибуция именных синтагм в *Passion* имеет следующий вид, %: (1) *li murs* – 48, (2) *li mur* – 6, (3) *le mur* – 3, (4) *le murs* – 38. Как видим, в X в. детерминатив в именной синтагме относительно автономен, не подчиняясь даже правилу согласования. Его употребление перед именем существительным может быть объяснено только участием в контекстном определении существительного, в семантической его актуализации.

Структуры (2) *li mur* и (3) *le mur* имеют в употреблении свои особенности. Употребляемость структуры (2) *li mur* возрастает с 6 % в *Passion* до 15 в *Warewic* (XIII в.). Структура (3) *le mur*, редко встречающаяся вначале (3 % в *Passion*), становится к концу старофранцузского основным конкурентом первой (1) *li murs*. Ее количественное преобладание по сравнению со (2) *li mur* колеблется от 15 % в *Pèlerinage* до 21 в *Tristan*. В других текстах этой эпохи (XII в.) роль данной структуры незначительна.

На протяжении XIII в. наблюдается конкуренция структуры (2) *li mur* с (3) *le mur*, хотя основная субъектная синтагма (1) *li murs*, с четкими морфологическими контурами, бесспорно сохраняет численное превосходство в текстах вплоть до конца XIII в., ср. по текстам XIII в.:

Aucassin: (1) = 88%; (2) = 8%; (3) = 3%; (4) = 1%

Graal: (1) = 93%; (2) = 6%; (3) = 1%; (4) = 1%,.

Warewic: (1) = 46%; (2) = 15%; (3) = 34%; (4) = 0%,.

Синтагмы (2) *li mur* и (1) *li murs* при несклоняемых существительных формально идентичны благодаря форме детерминатива, напр.: *or me dites, fet Galaad, que li cors senefie* (*Graal*, p. 38, 30); *Berinus vos filz n'ara ja sueffrete de riens* (*Bérinus*, p. 19). В субъектной функции синтагма (2) коррелирует с синтагмой мн. ч. (6) *li murs*, оппозицию числа выражает флексия, если не считать морфосинтаксических показателей, напр.: *sos monument fure toz nous* (*Passion*, v. 355); *cist home est enragez* (*Pèlerinage*, v. 528); *si en soit li conseil pris* (*Tristan*, v. 637); *sire, fet li roi Baudemagus* (*Graal*, p. 23. l. 117); *la nuit furent ensemble li baruns as ostels* (*Pèlerinage*, v. 246); *del vin et del claret li asqanz furent iures* (*Pèlerinage*, v. 339).

Эти особенности сочетания детерминатива с существительным свидетельствуют в пользу идеи о синтаксической роли детерминатива, который сопровождает существительное, участвует в его актуализации, но не обеспечивает его морфологической детерминации [Скрелина, 1972, с. 73–97].

В синтагме (4) *le murs* существительное сохраняет свою флективную форму, в то время как детерминатив выступает в обобщенной (термин Д. Чебылиса) форме, т.е. в той, которая доходит до наших дней. Напр.: *lo mels signa deitait* (*Passion*, v. 444); *issid lo dii le poples lez* (*Passion*, v. 40); *que ja ne mangers*

d'avainne vostre chevaus (Perceval, p. 823); car vostre peres me het (Aucassin, p. XIII, l. 11); un damoisiaux de la cite vint a Berinus (Bérinus, p. 22). Эта структура достигает 38 % в Passion, в других памятниках она встречается реже. Структура (4) *li murs* во мн. ч. соотносима со структурой (8) *les mur*, которая реализована только в 4-х памятниках из 12-ти (Pèlerinage, Perceval, Aucassin, Bérinus).

Гораздо более однородная картина наблюдается в объектных синтагмах. Основной формой объектной синтагмы ед. ч. является структура (9) *le mur*, частота которой в 11-ти обследованных памятниках (из 12-ти) достигает 100 %. Во мн. ч. доминирует структура (13) *les murs*. Ее вариантом является структура (14) *les mur*, именной элемент которой чаще всего представляется собой несклоняемое существительное. Синтагма такого типа встречается в 7-ми из 12-ти памятников и употребляется вплоть до середины XV в. Напр.: *los marchedant quae in trobed, a grant destruit fors les gitez* (Passion, v. 71—72); *les braz ad gros* (Pèlerinage, v. 304); *et qui conqueroient par leur force et par leur vigueuz les terres et les pais* (Bérinus, p. 3).

Приведенные наблюдения чрезвычайно любопытны. Из них вытекает, что структуры (9) *le mur* и (13) *les murs* оказываются основными, а их противопоставление — релевантным уже на ранних этапах старофранцузского периода. Функция дополнения является дважды маркированной формами существительного и детерминатива, противопоставляющимися по числу (*mur* — *murs*, *le* — *les*). Прав Е. Курилович, определяющий оппозицию числа как центральную в романских языках [Acta linguistica, 1945—1949, v. 5, fasc. 1—2, p. 15—37]. Если объектная функция выражена с помощью гомогенной и избыточной структуры, то субъектная выражается с помощью гетерогенных, наиболее употребительных из которых (1) *li murs* и (5) *li mur* противопоставлены формально только в имени, артикль же в маркировке оппозиций не участвует. Стало быть, субъектные синтагмы служат прежде всего для выражения маргинальной (термин Е. Куриловича) категории падежа и в меньшей степени — для выражения центральной категории числа.

Подведем итог количественным характеристикам изучаемых синтагм. Мы предположили, что вариативность структур, наличие ряда комбинаций артикля или другого детерминатива с именем существительным в функции подлежащего или дополнения не есть результат ошибок писцов средневековья. Не может быть простой опиской сcribe субъектная синтагма (4) *le murs*, редкая уже в Passion и отсутствующая в большинстве памятников. Не может быть спорадически случайной ошибкой синтагма (3) *le mur* в функции подлежащего, редкая в Passion и частая в хронологически последующих текстах. Все эти количественные характеристики употреблявшихся форм являются, на наш взгляд, своеобразной „фотографией“ процесса реконструкции системы имени. Вы-

бор составляющих эту систему элементов с их дифференциальными признаками проходит поэтапно. И. А. Бодуэн де Куртенэ [1963, с. 24] видел 4 этапа в борьбе функциональных синонимов: на первом господствует старая форма, на втором она сосуществует с новой, на третьем старая форма уступает количественно новой, на четвертом господствует новая форма [см. также: Скрелина, 1973, с. 17–20]. Подобные этапы с количественным равновесием или перевесом той или иной синтагмы выявляются, благодаря подсчетам Д. К. Чебылиса, в функционировании именных синтагм на протяжении восьми веков. Так, господство старой формы *li murs* показано до XIII в. подсчетами по текстам:

Aucassin (1)–88%₀; (2)–8%₀; (3)–3%₀; (4)–1%₀.

Graal (1)–93%₀; (2)–6%₀; (3)–1%₀; (4)–1%₀.

Warewic (1)–46%₀; (2)–15%₀; (3)–34%₀; (4)–0%₀.

Конкуренция старой и новой форм очень выразительно показана в подсчетах по тексту Warewic, где на долю старой формы приходится 46, а на долю новой – 34 % употреблений. С XIV в. преобладающей становится синтагма *le mur*, что хорошо видно на тексте Bérinus, где старая форма встречается уже только в 17 % всех субъектных синтагм. Следующий XV в. является завершающим, четвертым этапом, на котором господствует новая форма, а употребление старых или, скорее, похожих на старые формы носит характер гиперкоррекции, т.е. ошибки. Обычно приводят здесь, вслед за Ф. Брюно, примеры из Вильона, который украшал существительные окончанием *-s*, присоединяя его совершенно произвольно [Брюно, 1966, т. 1, с. 432].

Обратимся теперь к анализу соответствий между структурой именной синтагмы и ее местом в предложении. Подсчеты показывают, что структура (1) *li murs* чаще всего встречается в предложениях с моделью S–V–C, где подлежащее стоит на первом месте. Самая низкая встречаемость такой дистрибуции выражается цифрами 71 % для *Pèlerinage* и 77 для *Passion*. Это тем более примечательно, что структура (1) безо всякой двусмысленности выражает подлежащее. В эпоху существования падежей, казалось бы, надо было ожидать других корреляций между формальными и позиционными характеристиками подлежащего. Ведь согласно бытующему до наших дней мнению, которое автор не разделяет, флективный язык обладает „свободным” порядком слов, а аналитический – связанным. Во флективном языке, где имя-подлежащее и имя-дополнение противопоставлены падежными флексиями, можно, как говорят до сих пор, переставлять эти имена относительно глагола-сказуемого. Находя в старых текстах отличающиеся от современных способы размещения слов, не подвергая эти возможные способы квантитативному анализу, раскрывающему норму, обычно приходят к заключению о свободном порядке слов в старофранцузском и фиксации его в среднефранцузском. Но

на этот „свободный“ порядок приходится в лучшем случае 23–29 % предложений в ранних текстах (см. выше), 17 % – в более поздних текстах (Bérinus). Если же обратиться к всевозможным способам инверсии в современном французском языке, которые чрезвычайно распространены в различных стилях речи [Шигаревская, 1970, с. 7], то можно поставить под сомнение тезис о „свободном“ порядке слов в старом и „связанном“ – в современном языке. Скорее всего, при распространенном как в старофранцузском, так и в современном французском порядке слов S–V–C, т.е. подлежащее–сказуемое–дополнение, разной степенью распространенности отличаются другие способы размещения слов. Именно в области различных инверсий лежит разница в построении предложения на хронологически удаленных друг от друга этапах развития языка. И эти инверсии в меньшей степени связаны с наличием именной флексии. Главный фактор, руководящий расстановкой слов в предложении, заключен, очевидно, в коммуникативном задании.

В двусоставном предложении (подлежащее–сказуемое) преобладает инверсия, т.е. постановка подлежащего на второе место после сказуемого. В свое время было выдвинуто предположение о различном функциональном назначении структур предложения [Скрелина, 1972, с. 169–170]. Структура V–S сохранилась до наших дней благодаря тому, что за ней закрепилась функция вводного предложения. Количественные характеристики этой структуры по текстам таковы: постпозиция подлежащего представлена в 78 % двусоставных предложений Passion, 68 % для Pèlerinage, реже она встречается в Tristan и Perceval (37 %), возрастает в Aucassin (48 %), Graal (56 %), затем падает до 37 % (Warewic), 44 % (Joinville), 25 % (Bérinus). Функциональных признаков этой структуры предложения Д. К. Чебалис не приводит. Именная синтагма в постпозиции в этом типе предложения чаще всего имеет вид *le tuit* для ед. ч. и *les tuitz* для мн. ч., т.е. формально синтагма – объектная, функционально – субъектная. Было бы очень важно проследить за категориально-семантическими особенностями имен существительных в этой позиции, но даже и не зная их, можно предположить, что субъект легко узнаваем, в его идентификации участвует значение как существительного, так и глагола. Именно поэтому, в противоположность предыдущей структуре, двусоставная структура с инверсией подлежащего не избыточна.

Все это позволяет сделать следующие выводы. Переоформление имени существительного в старофранцузском происходит в связи с его функционированием во фразе, где в актуализации существительного принимает участие его непосредственное окружение. Наблюдается определенная автономность в развитии форм имени и его детерминативов. Прослеживается определенная закономерность в использовании избыточных структур для выражения той или иной синтаксической функции. Избыточными, редондантными структурами

выступают структуры имени-дополнения в сочетании с артиклем, — они-то и закрепляются в языке в качестве формы имени. Неизбыточными, разнообразными по комбинациям выступают структуры имени-подлежащего в сочетании с артиклем; одна из этих комбинаций, формально идентичная объектной синтагме, не отличающаяся от нее и по местоположению во фразе (постпозиция к глаголу), употребительна с самых ранних текстов. Это говорит о том, что падеж, или, вернее, падежная функция является синтаксической категорией.

Квантитативный анализ функционирования именной синтагмы во французском языке на протяжении восьми веков показал процесс выбора формы имени как процесс конкуренции старой и новой форм. Хронологические рамки закрепления новой формы могут быть определены текстами Warewic (1242) и Béginus (1350—1370), что вполне соответствует приблизительной датировке падения именного склонения [Скрелина, 1972, с. 214—215]. Никакой фиксации порядка слов при этом не происходило. Так называемый прямой порядок слов был самым распространенным уже в наиболее ранний период истории французского языка.

LA RESTRUCTURATION DU NOM EN ANCIEN FRANÇAIS

L. M. SKRÉLINA

Résumé

La forme analytique du nom s'établit en ancien français par suite d'une concurrence entre l'ancienne forme flexive (type: murs — mur) et la nouvelle (type: le mur — les murs). Le procédé a l'air d'une synonymie fonctionnelle quand, dans une fonction sujet on trouve une forme dite casuelle régime, et vice versa. En s'appuyant sur les statistiques faites par D. Čebelis, l'auteur affirme que, déjà en ancien français, le paradigme de „cas“ n'est qu'une fiction, car les oppositions de ces „cas“ ne sont pas fonctionnelles. L'ordre des mots n'est pas, en anc. fr., plus libre qu'en fr. mod., la structure „Sujet — Verbe — Complément“ est la plus répandue dès l'ancien franç.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн де Куртене, 1963 — Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963.
- Брюно, 1966 — Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. — Paris, Colin, 1966, T. 1.
- Курилович, 1945—1949 — Kurylowicz J. La nature de procès dits „analogiques“. — Acta linguistica, 1945—1949, v. 5, fasc. 1—2, p. 15—37.
- Скрелина, 1972 — Скрелина Л. М. История французского языка. — М., 1972.
- Скрелина, 1973 — Скрелина Л. М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования). — Минск, 1973.
- Шигаревская, 1970 — Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. — Л., 1970.

Чебьялис, 1974 а — Чебьялис Д. К. Именная синтагма и ее функциональные особенности во французском языке IX—XVI веков: Докт. дис. — Л., 1974.

Чебьялис, 1974 б — Чебьялис Д. К. Именная синтагма и ее функциональные особенности во французском языке IX—XVI веков: Автореф. докт. дис. — Л., 1974.

И С С Л Е Д У Е М Ы Е И С Т О Ч Н И К И

Aucassin — Aucassin et Nicolette, Chante-fable du XIIIe siècle / Édité par M. Roques. — CFMA. Paris, 1925.

Bérinus — Bérinus. Roman en prose du XIVe siècle / Publié par R. Bossuat. — SATF. Paris, 1931. vol. 1—2.

Graal — La Queste del Saint Graal. Roman du XIIIe siècle / Édité par A. Pauphilet. — CFMA. Paris, s. a.

Joinville — Histoire de Saint Louis par N. de Wailly. 12e éd. — Paris, s. a.

Passion — Passion du Christ. — In: Koschwitz E. Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires. Leipzig, 1920, vol. 1.

Pèlerinage — Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, ein altfranzösisches Heldengedicht / Hrsg. von E. Koschwitz und G. Thurau. — Leipzig, 1913.

Perceval — Der Percevalroman von Christian von Troyes / Hrsg. von A. Hilka. — Halle, 1932.

Tristan — Bérout. Le Roman de Tristan, poème du XIIe siècle / Édité par E. Muret. — CFMA. Paris, 1957.

Warewic — Gui de Warewic. Roman du XIIIe siècle / Édité par A. Ewert, t. 1—2. — CFMA. Paris, 1933.

Leningrado A. Gerceno
pedagoginis institutas
Romanų filologijos katedra

Įteikta
1980 m. rugsėjo mėn.